

Якупова Дарья Викторовна

СОЦИАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ЧЕКОВОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ В РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье предпринята попытка проследить социальную реакцию на процесс осуществления малой приватизации (1992-1994). На основе материалов региональной периодической печати, социологических опросов и историографической оценки сопоставляются данные о рефлексии взглядов населения на разгосударствление собственности в России. Делается вывод о том, что в условиях смены эпох и тяжелого экономического положения социум настороженно относился к ваучеризации и воспринимал ее как элемент социальной провокации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. I. С. 214-217. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. **Демократия: конфликтность и толерантность:** монография / под ред. В. С. Рахманиной. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. 402 с.
6. **Идентичность как предмет политического анализа:** сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теорет. конф. (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.) / отв. ред. И. С. Семененко и др. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 299 с.
7. **Имидж в стратегии инновационного развития регионов России:** сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (19-21 июня 2014 г.) / отв. ред. Ю. А. Дроздова, А. А. Огарков. Волгоград: Изд-во ВФ РАНХиГС, 2014. 356 с.
8. **Крылов М. П.** Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 13-23.
9. **Материалы к вопросу «О региональных аспектах реализации Концепции государственной миграционной политики»** [Электронный ресурс]. URL: www.pfo.ru/?id=63963 (дата обращения: 04.07.2014).
10. **Назукина М. В.** Структурные уровни региональной идентичности в современной России // Регионоведение. 2011. № 4. С. 12-18.
11. **Петров Н.** Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. СПб. – М.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. 256 с.
12. **Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России:** сб. ст. Всерос. науч. конф. (г. Ульяновск, 24-30 марта 2015 г.) / отв. ред. О. В. Шиняева. Ульяновск: УлГТУ, 2015. 341 с.
13. **Республиканская целевая программа содействия занятости населения Республики Мордовия на 2012-2014 годы** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-mordovia.ru/content/view/392> (дата обращения: 04.07.2014).

TERRITORIAL IDENTITIES: SPECIFICS OF SYMBOLIC AND VALUE ADOPTION OF THE LEVELS (BY THE EXAMPLE OF THE VOLGA REGIONS)

Shirmanov Evgenii Vladimirovich
N. P. Ogarev Mordovia State University
ev-gen.shirmanov@mail.ru

The article examines the findings of the applied research on the identity of the residents of the neighbouring Volga regions: The Republic of Mordovia, Ulyanovsk and Penza oblasts. The author focuses on the symbolic and value identity systems and on the specifics of the correlation of the levels “I am Russian”, “I am a resident of the Volga region”, “I am a resident of my country” in the identity structure of the Volga region residents.

Key words and phrases: region; identity; self-identification; values; symbols; communication; regional development; symbolic identity system; value identity system.

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

В статье предпринята попытка проследить социальную реакцию на процесс осуществления малой приватизации (1992-1994). На основе материалов региональной периодической печати, социологических опросов и историографической оценки сопоставляются данные о рефлексии взглядов населения на разгосударствление собственности в России. Делается вывод о том, что в условиях смены эпох и тяжелого экономического положения социум настороженно относился к ваучеризации и воспринимал ее как элемент социальной провокации.

Ключевые слова и фразы: ваучер; Пензенская область; приватизация; рынок; собственность; чековые инвестиционные фонды.

Якупова Дарья Викторовна

Пензенский государственный университет
bubnova90@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ЧЕКОВОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ В РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)[©]

Изучение процесса приватизации невозможно без оценки его населением, а также без изучения адаптивных и инициативных реакций социума, что, несомненно, представляет особый интерес в русле сопоставления архаичных и модернизационных поведенческих стратегий [1, с. 206]. В контексте методологической парадигмы локальной истории это позволит сформулировать качественные выводы, оценить конкретные последствия проведенных реформ и в конечном итоге определить наличие региональных особенностей.

Сложность избранной тематики традиционно заключается в возможностях социального познания. Зафиксированные оценки населением тех или иных исторических событий имеют разительную способность

видоизменяться. Это и есть задача данной работы – сопоставить социальную реакцию на исторические явления в рамках чековой приватизации в начале ее реализации с данными, полученными по завершении этого исторического процесса.

Стоит отметить, что население России вступило в приватизацию с дифференцированным мнением относительно доверия к политическим институтам. По результатам проведенного опроса, 65,9% населения Пензенской области не доверяли правительству, лишь 13,3% высказали свое положительное отношение к политическому руководству, а 21% опрошенных не смогли определиться с ответом [11, с. 1]. Естественно, что уже на этапе подготовки к реформам социум проявлял внутреннее сопротивление. Затем это четко выразилось в так называемом «безмолвствии»: люди не хотели идти за ваучерами, вникать в новые социально-экономические процессы и перестраиваться под новые условия. В доказательство сказанному можно привести итоги социологического исследования 1990 года, согласно которым 83% опрошенных пребывали в уверенности, что экономические трудности вызваны ошибками руководства, а еще 17% были уверены в хозяйственной порочности самого социализма [12, с. 3]. Тем самым граждане не видели причину проблем в себе, при этом подчеркивали потребность в капиталистическом оттенке социализма, предполагали, что по окончании реформ смогут получить необходимый достаток через модернизированную систему госраспределения. Конечно же, длительная отчужденность населения от собственности играет здесь ключевую роль [16, с. 1022]. Еще одним подтверждением «антисобственнических» настроений можно считать тот факт, что после двух десятилетий с начала приватизации в Пензенской области найдутся жильцы неприватизированных квартир. Это также проявляется и в перманентном продлении государством сроков приватизации.

Можно говорить также и о том, что подобные представления были опосредованы и традиционной идентичностью, укоренившейся в советской ментальности, и недоверием к любым переменам как своеобразной рефлексии перестройки, павловской реформы и либерализации, ведь именно тогда после десятилетий коммунистической стабильности население посчитало себя обманутым. По мнению Е. А. Аврамовой, «с самого начала ваучеризации процедура и форма организации этой акции вызывали критические замечания со стороны специалистов и повергали в недоумение массы населения» [1, с. 76-77]. Причину негативного восприятия реформ сам социум в 1992 году видел в просчетах руководства и отсутствии необходимого управленческого опыта, видимо, намекая на возраст младореформаторов (38% опрошенных), а также саботаже и криминализации процессов (46% опрошенных) [цит. по: 13, с. 27].

Предположительная причина таких убеждений кроется в сверхосторожной позиции населения к предстоящей «раздаче» госсобственности. Этот тезис подтверждается итогами опроса «Что Вы ждете от получения приватизационного чека?», согласно которому более одной трети ответили, что ваучеры не смогут решить насущных проблем. Около 12% респондентов связывали получение приватизационных чеков с возможностью начать свое дело (тогда как на нехватку средств, препятствующих принятию этого решения, указали около 30% опрошенных). По мнению автора опроса О. Здравомысловой, большинство населения не видело в ваучере материальной основы личного участия для ускорения процесса приватизации [1, с. 81].

Согласно исследованию, проведенному накануне ваучерной приватизации Институтом социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (РАН), наблюдался информационный голод населения в сфере выдачи чеков и их использования. Около 90% опрошенных не имели достаточной информации о порядке выдачи ваучеров и возможных прибыльных вариантах их использования. Более 80% участников опроса имели весьма смутное представление о содержании законодательной основы приватизации, и лишь 3% населения считали, что владели необходимой информацией [Там же, с. 76].

Проблема низкого уровня информированности населения проявилась во всей своей полноте и в Пензенской области. Так, на сессиях Пензенского облсовета в 1993 году неоднократно отмечался тот факт, что о реализации основных направлений госполитики в сфере приватизации не знали даже сотрудники аппарата администрации [6, д. 165, л. 9]. «Надо, чтобы все это было на виду. Население должно знать. А то люди не знают, что делать с этими чеками. Это главное...», – отмечал первый заместитель главы администрации Пензенской области А. Е. Щербаков [Там же, л. 17].

В Пензенской области относительно программы приватизации и ее введения в действие современники событий также не были единодушны. Одни отмечали, что «программа окончательно разделила население на “чёрных” и “белых” – работников непроизводственной (учителя, врачи, воспитатели, работники культуры) и производственной сфер» [4, с. 13]. Другие говорили о положительных результатах программы [10, с. 2].

Интересным представляется тот факт, что к 1993 году лишь 1/6 часть жителей Пензенской области реализовала свои ваучеры, остальные же заняли выжидательную позицию [8, с. 2]. Синдром «раскачивания» в ходе чековой приватизации наблюдался во всем российском обществе (за исключением крупных городов), но более всего – в провинции. Имеется мнение, что выжидательная позиция определялась противоречиями, возникшими между прежним опытом и новыми требованиями, поэтому введение ускоренной приватизации население рассматривало как «социокультурную провокацию» [1, с. 83].

В Пензенской области рекорды приватизации были поставлены только в жилищной сфере. За 1993 год безвозмездно переданы населению почти 50 тысяч квартир – в 1,4 раза больше, чем за предыдущие четыре года. Частными стали 20640 квартир общей площадью 938 тысяч квадратных метров. Удельный вес приватизированных квартир по области составил 28,1%, в том числе в Пензе – 24,1%, в Кузнецке – 29,9%, в Сердобске – 63,7%, в Каменке – 21,2%, в Нижнем Ломове – 29,8% от числа квартир, подлежащих приватизации [21, с. 213]. Ситуацию в жилищной сфере можно рассматривать как антипод чековой приватизации. Жилой фонд действительно

был распределен быстро, практически бесплатно (незначительные взносы нельзя признать непосильными даже для малоимущей части населения) и с явной конечной социальной пользой для населения. Жилищную приватизацию можно считать той отдушиной, которая была так необходима обществу после ценовых колебаний, рублевых реформ и либерализации 1992 года. Синдрома «раскачивания» в этой сфере не наблюдалось – население сосредоточило все внимание на оформлении муниципальной квартиры в свою собственность, а ваучеризация явно отошла на второй план. Нельзя не согласиться с мнением, что «постсоветский человек был готов к тому, чтобы начать торопливо навёрстывать то, чем он был обделён при “развитом социализме”» [5, с. 68]. Вероятно, этого и ждали реформаторы, ведь курс на «кооперативный социализм» как рыночную ценность всячески поддерживался уже с 1980-х годов. И если раньше кооперативное движение имело негативную коннотацию, то благодаря многомиллионным тиражам прессы 1990-х годов у населения выстроилась четкая дихотомия «нашего – безобразного рынка и западного – чистого и правильного» [19, с. 331].

В. П. Булдаков в одной из своих работ приводит точку зрения, что доминирующим социальным типом к этому времени стал «человек ловкий, ориентированный на ближайший успех и не связанный ни с ценностными, ни социально-групповыми рамками ответственности» [5, с. 132]. В доводы этому тезису можно привести наиболее общий пример относительно того, что население осознавало автономность своего существования и вопреки реформам смещало их акцент, опираясь на собственные возможности, реализованные пусть и не всегда законными методами. Скорость адаптации, с которой население изыскивало благо из реформ, превышала все ожидания – российский народ продемонстрировал необыкновенное терпение, которому впоследствии удивлялись во всем мире [20, с. 123].

По нашему мнению, формирование нового экономического класса в России происходило на оборотной стороне формального процесса приватизации – теневилизация экономики и активные предпринимательские способности населения (например, скупка ваучеров, формирование финансовых пирамид) выступили своеобразной реакцией населения на официальные популистские обещания федеральной власти о раздаче чеков. На фоне обмана, растаскивания некогда общего имущества социум внутренне решил «взять свое».

По результатам интервью, проведенных в 1992 году, выяснилось, что часть населения (12,2% респондентов) изначально планировала заняться скупкой ваучеров, при этом та же социальная группа имела однозначное мнение относительно того, кто будет их продавать – пенсионеры и малообеспеченные [1, с. 138]. Справедлива точка зрения, что настоящее удовлетворение граждан, развращённый раздаточной системой, сможет теперь получить от системы не иначе, как вопреки закону [5, с. 138]. «Экономический преступник» теперь переселился в офисы и имел вполне респектабельный внешний вид, работал не силой, а мышлением [15, с. 4]. Симптоматично, что, по мнению опрошенных в 1992 году, жизненный успех в ходе приватизации можно было реализовать на основе хороших связей (55% ответивших) и при помощи начальствующих родственников (46%) [2, с. 5]. Показательно, что среди личных ценностей наименьшее значение люди придавали «преданности, вере в Бога, власти и честолюбию» [14].

Отдельного внимания заслуживает парадокс чековых инвестиционных фондов (ЧИФ). До сих пор деятельность ЧИФов, финансовых пирамид и участие в их работе населения не поддается логическому объяснению. Социум, который с осторожностью воспринимал все преобразования государства, с легкостью отнес ваучеры в негосударственные структуры. Вместе с тем по данным мониторинга общественного мнения 1992 года, акции инвестиционных фондов как способ вложения чеков не пользовались доверием у населения именно по причине быть обманутыми [1, с. 82]. Объяснение в виде финансовой неграмотности не может быть поставлено во главу угла – ваучеры и деньги в инвестфонды вложила часть населения, способная ориентироваться на формирувавшемся рынке ценных бумаг. Последствия рассыпавшихся финансовых пирамид превзошли все ожидания. В Пензенской области за время своей деятельности (1994-1995) волгоградская компания «Русская недвижимость» собрала с населения и вывезла 5,8 млрд рублей, «Русский Дом Селенга» – 19,5 млрд, «Ростислав» – 3,8 млрд. Три финансовые компании: «Ростислав», «АСТ», «Реноме» – вообще «испарились» из региона [9, с. 3]. По-видимому, социальный императив «деньги решают все» стал преобладающим в социальной среде, сменив фразу: «Не в деньгах счастье». В социуме наступил период пропаганды фетиша – денег [15, с. 4]. Люди пытались перестроиться на стратегию самовывживания на фоне смешивания ценностей различных эпох. Ведь сложно поспорить с тем, что даже в таких, безобидных на первый взгляд, развлекательных передачах центрального телевидения, как «Поле Чудес», «Угадай мелодию», «Лото», «Что? Где? Когда?», царили азарт и ажиотаж.

Вместе с тем по социальной реакции населения можно проследить и еще одну важную особенность того времени – социальную стратификацию. Стоит вспомнить, что одной из целей приватизации было формирование частного собственника, способного к самостоятельному заработку. Но на деле социальное самочувствие населения ухудшилось. Как показали исследования, проведенные в Пензенской области Л. Т. Толубаевой, среди всех групп сельских и городских жителей региона только 0,4% ощущали себя богатыми [17]. Большая часть респондентов (69,4%) отнесли себя к слою со средним достатком, при этом довольно значительная доля опрошенных чувствовала себя бедной (23,4%), и лишь 6,8% респондентов причислили себя к обеспеченному слою [18, с. 83].

Представляет несомненный интерес ретроспективное восприятие населением реформ 1990-х годов. Приведение приватизации государственной собственности, по данным сравнительных опросов спустя 10 и 20 лет (2001 и 2011 гг. соответственно), входит в «пакет» оценки населением наиболее непопулярных мер, предпринятых реформаторами. Соотношение тех, кто отзывается положительно, и тех, кто высказывается отрицательно, составляет 27% против 60%. В то же время в отличие от либерализации цен динамика мнений носит более позитивный характер – 10 лет назад лишь 7% опрошенных относились к приватизации государственной

собственности позитивно. По мнению экспертов Института социологии РАН, имеет место «эффект привыкания» [7, с. 43]. Вместе с тем нельзя не отметить и то, что время способствует смене социального состава населения как по возрасту, так и по доходу, что также отражается на восприятии тех или иных событий.

Таким образом, проведенный анализ социальной рефлексии чековой приватизации и неразрывно связанных с ним процессов экономических реформ 1990-х годов позволяет заключить, что населению исключительно удавалось изначально выявить истинную сущность преобразований – негативная оценка приватизации и методов ее осуществления сохранилась и спустя двадцатилетие. Население полностью предвидело то, что его ждет – готовилось к такой «социальной провокации» через адаптивные и инициативные практики. Государство, по-видимому, также понимало это и старалось легализовать формы активности населения, проводя реформы свободной торговли и предпринимательства, упрощая правовые барьеры, которые господствовали в советском прошлом.

Изучение результатов опросов общественного мнения дает повод сделать вывод о том, что население пыталось проявлять внутреннее сопротивление и не торопилось перестраиваться под новые условия. С одной стороны, это форма социального протеста, реакция на государственный обман, с другой – объективное противоречие прежнего социального опыта с новыми требованиями эпохи.

Список литературы

1. Аврамова Е. А. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения / под ред. И. Е. Дискаина. М.: ИСЭПН РАН, 1998. 229 с.
2. Аргументы и факты. Приложение «Золотое кольцо». 1996. № 4.
3. Афонцев С. А. Адаптация или инициатива? Эволюция советских форм занятости в переходный период / «Советское наследие». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / под ред. Л. И. Бородкина, Х. Кесслера, А. К. Соколова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 351 с.
4. Беспалов В. Приватизация: «чёрные» и «белые»: кто они? // Биржевая газета. 1992. № 41-42.
5. Булдаков В. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 204 с.
6. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2906. Оп. 1.
7. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. 328 с.
8. Захаров А. Работай дальше, ваучер // Наша Пенза. 1993. № 53.
9. Захаров А. «МММ» и «РДС» ушли в темный лес // Наша Пенза. 1995. № 23.
10. Клепушевская Л. Пензенские приватизаторы о приватизации // Биржевая газета. 1992. № 43.
11. Недоверие растёт // Позиция. Пенза, 1992. № 9.
12. Огонек. 1990. № 7.
13. От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян: общественно-политическая литература / под ред. В. Федорова. М.: ВЦИОМ, 2007. 223 с.
14. Отношение к переменам в России (июнь-декабрь 1992 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/3110> (дата обращения: 10.05.2015).
15. Соровегин В. Злые деньги // Наша Пенза. 1996. № 45.
16. Сухова О. А. История приватизации в России: некоторые результаты научной рефлексии // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Пенза: ПГПУ, 2012. № 27. С. 1019-1023.
17. Толубаева Л. Т. Социально-экономическое самочувствие сельских жителей Пензенской области: субъективный аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Пенза: ПГУ, 2008. № 4. С. 3-9.
18. Толубаева Л. Т. Социальное самочувствие населения Пензенской области в условиях трансформации российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Пенза: ПГУ, 2009. № 3 (11). С. 79-87.
19. Тяжелникова В. С. Женское рукоделие и производство одежды в городском домашнем хозяйстве: 1960-2000 годы / «Советское наследие». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / под ред. Л. И. Бородкина, Х. Кесслера, А. К. Соколова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 351 с.
20. Якупов Р. А. Антикризисная политика России в социальной сфере в начале 1990-х годов (по материалам Среднего Поволжья) // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 1. С. 120-124.
21. Якупова Д. В. Приватизация муниципального имущества в Пензенской области в 1992-1993 годах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36). Ч. I. С. 212-214.

SOCIAL REFLECTION ON CHEQUE PRIVATIZATION IN RUSSIA (BY THE MATERIALS OF PENZA REGION)

Yakupova Dar'ya Viktorovna
Penza State University
bubnova90@mail.ru

The article aims to analyze social response on the process of small privatization (1992-1994). Relying on the materials of regional periodicals, sociological surveys and historiographic evaluation the author compares the data on the views of the population on the denationalization of property in Russia. The researcher concludes that under the change of the epochs and the difficult economic situation the society was wary about voucherization and treated it as an element of social provocation.

Key words and phrases: voucher; Penza region; privatization; market; property; cheque investment funds.